

Сюй Янь почувствовал, как на него устремлен чей-то взгляд, полный глубоких чувств, смысла которых он не мог постичь.

Подобно соколу, он выследил источник этих глаз. Поняв, что на него смотрит восседавшая на возвышении Императрица в роскошных одеждах, он невольно ощутил замешательство. Он задержал взгляд на Шэнь Цинцин: алое платье с вышитыми фениксами, парящими в облаках, выглядело ярко и вызывающе, но при этом не лишало её императорской стати. Её красота, подобная небесному божеству, не могла не поражать.

Сюй Янь решил, что это лишь плод его воображения — с чего бы Императрице смотреть на него подобным образом? Чтобы отвлечься, он поднял со стола стеклянный бокал, наполнил его ликером из грушевых цветов и осушил одним махом. По сравнению с крепким приграничным алкоголем, этот напиток показался ему водой. Он выпил еще несколько чашек, в горле запершило, а на душе стало еще беспокойнее — мысли вновь вернулись к тому взгляду.

Сидевшая выше Шэнь Цинцин, хотя и отвела глаза, боковым зрением продолжала следить за каждым движением Сюй Яня. Разумеется, она заметила, как он пил. Неужели его смятение вызвано её вниманием? Однако подходящего предлога для встречи с ним она пока не нашла. В конце концов, сейчас они были всего лишь чужими людьми.

Юный генерал Сюй, подавивший мятеж в Наньцзяне, был в центре внимания на этом новогоднем банкете. Сун Цзиньюй, не подозревая о негласном обмене взглядами между Шэнь Цинцин и Сюй Янем, и уж тем более о мыслях Императрицы, сам обратил внимание на юношу. Нельзя было не признать: этот молодой генерал был выдающимся. Одной лишь внешности было достаточно, чтобы привлечь взоры, а ведь он был еще и одаренным стратегом, чьи таланты превосходили его красоту.

Как Император, Сун Цзиньюй обязан был достойно вознаградить Сюй Яня за заслуги. Велев слуге наполнить бокал, он поднял его в сторону генерала:

— Генерал Сюй — истинный талант, одаренный необычайными способностями. Я поднимаю этот бокал за тебя, благодарю за отражение вражеских набегов и защиту спокойствия народа нашего Государства Тяньхуан. Иметь такого полководца — великое счастье для нашей страны!

Сюй Янь поднялся и поклонился:

— Император слишком добр ко мне. Верно служить и защищать страну — мой долг, я лишь сделал то, что должен был.

Не став отказываться от чести, он взял свой бокал и, дождавшись, пока Сун Цзиньюй допьет, осушил его до дна.

Наблюдая за этой сценой, Шэнь Цинцин подумала, что если она, как Императрица, тоже почтит подданного бокалом вина, это будет вполне уместно и не выйдет за рамки приличий. Вскоре после Императора она также обратила свой взор к Сюй Яню:

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Я давно была наслышана о доблестных подвигах генерала Сюя. Сегодня, в новогоднюю ночь, я также хочу поднять бокал за ваше здоровье.

Сюй Янь поднялся, поклонился и встретился с ней взглядом. В его глазах читалось любопытство, но Шэнь Цинцин не отвела взгляд — напротив, в её звездных очах плясали игривые искорки. Хотя их зрительный контакт длился лишь мгновение, Сюй Янь теперь был уверен: именно она смотрела на него сверху.

Выпив вино, Сюй Янь вернулся на свое место, по-прежнему сохраняя невозмутимый и властный вид.

После того как Шэнь Цинцин закончила, Сун Цзиньюй, вспомнив, что еще не оказывал знаков внимания самой Императрице, обратился к ней. Шэнь Цинцин с привычной любезностью ответила на его жест, и после обмена бокалами они оба выпили. Со стороны казалось, что между супругами царит полная гармония.

Одни придворные радовались согласию между правителями, считая, что это залог стабильности государства. Другие же, напротив, встревожились: если отношения Императора и Императрицы станут слишком крепкими, их дочерям в гареме придется несладко — без милости монарха там не выжить.

Линь Ханьшуан, видя этот обмен любезностями, затаила жгучую зависть. Она грациозно поднялась и поклонилась Императору:

— Ваше Величество, позвольте мне поднять бокал за процветание нашего государства, за мир и благополучие в Поднебесной.

Её голос звучал сладко и маняще. Закончив, она устремила на Императора свои влажные миндалевидные глаза, полные соблазна и кокетства. Сун Цзиньюй, находясь на виду у всех, сохранял императорскую строгость и, выпив, не показал лишних чувств. Однако, уловив её намеки и вспомнив, как она ведет себя в постели, он невольно разволновался.

Шэнь Цинцин же не обращала внимания на то, как эти двое обмениваются нежностями — всё это было ожидаемо. Какой правитель не любит женскую красоту? Тем более, когда красавица сама идет в руки. В сердце Шэнь Цинцин это не вызвало ни единой волны, ведь она знала об этом заранее.

Её сегодняшней неожиданной радостью стала встреча с А-Янем. Она вспомнила слухи о том, что генерал Сюй влюблен в дочь семьи Линь. Раньше она и подумать не могла, что этим человеком окажется А-Янь, и лишь посмеивалась над сплетнями. Но теперь всё изменилось. Как её А-Янь может любить другую женщину? Да еще и ту, что является её врагом по этому заданию?

Пока Шэнь Цинцин размышляла, как бы встретиться с ним, Сун Цзиньюй заметил, что его

супруга выглядит не слишком веселой.

— Цинцин, ты тоскуешь по родным? — прошептал он, наклонившись к её уху.

Первым желанием Шэнь Цинцин было отпрянуть, но, помня о своей роли, она подавила отвращение и нетерпение. Слегка отодвинувшись, она поняла, что это отличный предлог для встречи.

— Да, Ваше Величество. Я впервые так долго вдали от отца и матери, — спокойно ответила она.

— Раз так, я распоряжусь, чтобы вы встретились с ними в задних покоях.

— Император, может быть, позволить всем наложницам увидеть своих родителей? — предложила Шэнь Цинцин. — Многим сестрам в гареме тоже нелегко так долго разлучаться с близкими. Позвольте мне всё устроить, и пусть они по очереди навещают родных в задних покоях.

Сун Цзиньюй не стал возражать и молчаливо согласился. Хотя это было несколько не по правилам, предложение Императрицы было благородным. В этом не было ничего страшного, поэтому он решил поступить, как она просила.

Шэнь Цинцин велела Цю Юэ заняться приготовлениями и передать распоряжение наложницам и чиновникам.

— В честь новогоднего праздника мы с Императрицей решили, что семьи должны воссоединиться, поэтому объявляем, что наложницы могут встретиться с родителями в задних покоях, — провозгласил Сун Цзиньюй.

Наложницы и их семьи просияли. Именно такой атмосферы и счастья требовал этот праздник.

<http://bllate.org/book/21590/2225375>